

Глава 8.

- С котом я быстро разобрался, - продолжал Шапкин, - объяснил ему, где и как я его видел, и где его место, и как его маму тридцать три шахтёра вперегрёб использовали. Он сразу понял: «Прочитал. Спасибо. Кот из Лукоморья», - говорит. И, больше не выражался. Песни пел, бывало, но вполне приятно. С русалкой сложнее оказалось – попробовал я с ней поговорить, а она только глазами хлопает, и рот разевает, и молчит.

- погоди, Владимир Ильич, так получается, мне кот правду сказал, про русалку? Что ты её завялил? – опять не выдержал Гурьянов.

- Ну да, а чего? – не понял Шапкин.

- Так русалка же! – возопил Гурьянов, и поёжился, вспомнив водолалу для водолала.

- Так ты что же, думаешь, что русалка – человек? Нет и нет! – ответил Шапкин, - это всё миф. На самом деле, русалка – рыба. Двоякодышащая, вроде рогозуба. Я сначала тоже с ней, как с человеком, а потом смотрю – рыба. Волосы – чешуя видоизменённая, на шее сзади – жабры, руки - плавники удлинённые, лицо – морда рыба, только вперёд скошена, и – дура душой. Ходить не умеет, сидит на ветке, и всё. Они с котом у меня десять дней тут на дубе жили, и каждый день мне для русалки по тридцать вёдер воды таскать приходилось. Только займусь чем –нибудь, как кот прибегает, и орёт: «Давай воду, русалка пересыхает!» Я ему – таскай сам, а он в ответ – мне не положено, я – древнее мистическое животное, и вообще – хатуть мадан. Так меня это достало, а тут ещё и с едой напряжёнка была. Взял я дубинку потяжелее, стащил русалку с ветки за хвост, и – как осетровых глушат, по башке сзади. Даже хвостом не дёрнула. Стал разделять – точно, рыба, уж я – то после Ветеринар... в смысле, после Мединститута, могу разобраться. Анатомия рыба, плавательный пузырь, голосовые связки отсутствуют, вместо мозга – два нервных узла срослись. И скелет рыбий – я из него экспонат сделал, в подвале у меня хранится. А икры чёрной из неё было – почти восемь килограммов!

- А титьки были? – поинтересовался Гурьянов.

- Были. Только это у неё резервуары для воды, как горбы у верблюдов. Я эту рыбищу и тушил, и жарил, и завялил много, и уху из неё варил – вкуснейшее мясо оказалось, от осетрины не отличишь. Кот сначала истерику устроил, потом успокоился, и сам жрал – аж за ушами пищало. Но, обиду затаил – похоже, у него на эту рыбину свои виды были. И вот, на двадцатый день, ночью, дуб выкопался, и они вместе с котом ушли. У нас два алконавта недалеко жили, они ночью за самогонкой ползли, увидели, как дуб по улице идёт, а на нём котище песни распевает – перепугались так, что на две недели пить бросили. Потом, кто – то из их компашки, не то терапевт, не то психиатр спившийся, им сказал, что если двое одинаковую галлюцинацию видят, то

это не галлюцинация, и они опять насмерть запили. А кот с дубом, видишь, под Мытищами прижились.

Как дуб с котом меня покинули, мне сразу как – то легче стало, - продолжал Шапкин, - и осетрину русалочью, опять же, ни с кем делить не надо. Стал дальше с этим агрегатом разбираться. Исходных данных намного прибавилось, и понятно стало, что агрегат этот ой как непростой, и мною изначально недооценённый. Некоторые предположения появились.

Особенно меня эти хрустальные радиолампы заинтриговали, просто ни о чём другом думать не мог. Где сделаны, кем? Зачем сбоку ручки, и почему на баллонах свастика явно не нацистская? Забрался я в архивы, благо, удостоверение члена Союза Журналистов припас, и с ним много куда доступ имею. Долго копался, и всё без толку.

Нигде никаких упоминаний. Хотел уже бросить это дело. И, вдруг, просто любопытства ради, листаю Махабхарату, ашхабадского издания, с заставками художественными, и вижу на картинке – они... Там ещё текст: Ашвагрива, Пулома, Сварбхану, Амидадхваджа, Прахрада, Намучи, Дакша, Випрачитти, Виручана, Хринишева, Сухотра, Бхурихан, Пушпаван, Вриша, Сатьешу, Ришабха, Баху, Капилакша, Вирупака, Бана, Картасвара, Вахни, Вишваданштра, Найритти, Санкоча, Варитакша, Варахашва... - словно в трансе, заунывно продолжал Шапкин.

- Владимир Ильич, что это за дурни?! – не выдержав, заорал Гурьянов.

- А, да, - встрепенулся Шапкин, - в самом деле, увлёкся я. Так вот, стал я копать уже в этом направлении, и докопался. Это – Кувшины Лакшми.

- Шми... чего? – не понял Гурьянов.

- Лакшми. Она – супруга Вишну – объяснил Шапкин.

- А... кто это? – удивился Гурьянов.

- Ну, ты даёшь. Вишну – верховный бог у индусов. А Лакшми – богиня изобилия, плодородия и созидания.

- А кувшины ей зачем?

- Для амриты.

- Вот же я не и ни! – снова чуть не заорал Гурьянов, - какая ещё амрита?!

- Амрита – напиток богов, дающий им бессмертие, - ответил Шапкин, - а кувшины, содержавшие амриту, несут в себе часть могущества богов.

- А как эти кувшины в немецком аппарате оказались? – спросил Гурьянов.

- Да как... Видимо, фрицы, в этой самой Ане на нерве, догадывались, что кувшины могли сохраниться, вот и добыли их как – то.

- Погоди, что за Аня на нерве такая?

- Ну, это бабка так говорила, у которой я этот агрегат добыл. Аненербе – наследие предков. Была у немцев такая контора, искала и изучала артефакты и знания исчезнувших цивилизаций, чтобы их использовать. Вот и решили создать на этих кувшинах супергенератор реальности и времени.

- А... зачем? И что этот генератор может? – озадаченно спросил Гурьянов, давно уже переставший что – либо понимать в потоке льющейся на него информации.

- Ну, зачем – понятно. Хотели использовать как супероружие. Но, по какой – то причине не смогли. А вот, что он может... - многозначительно прищурился Шапкин...

- Он может всё! Всё!! - сказав эти слова, Шапкин, казалось, вдруг стал выше и больше, в глазах его появился странный огонёк, - он может создать альтернативную реальность. Он может перенести в другое время. Он может сказку сделать былью, а реальность – пылью. Он меняет пространственно – временной континуум. Он может... Да что там, он может всё!!! И я им владею! Я!!! – Шапкин, произнося эти слова, носился взад – вперёд по сарайчику, излучаемую им энергию можно было буквально потрогать рукой и, казалось, нет ему преграды, и попадись ему на пути каменная стена – прошибёт её и, не заметив, понесётся дальше.

- А как он всё это «всё» делает? – осведомился Гурьянов, изрядно испуганный таким всемогуществом таинственного агрегата.

- Вот это мне и непонятно! – словно вкопанный, вдруг остановился Шапкин, - непонятно! Долго я бился, пытаюсь что – либо уяснить. Непонятно! Я лишь сумел выяснить, что этому Золотому Касту нужны исполняющие устройства – трансляторы. Кастен – ящик на немецком, - уточнил Шапкин, видя вопрошающий взгляд Гурьянова. Чего только я к нему не прицеплял! Даже пресс!

- И, как всегда, дедушка Шапкин оказался прав! – продолжал он, - не зря, не зря я предупреждал: вплоть до «Ригонды»! Самыми лучшими трансляторами оказались именно они – «Ригонды»! Ну, «Спидола» тоже кое – что может, но – по мелочи, вроде дуба с котом. К тому же, плохо управляема и своенравна, постоянно генерирует каких – то чертей, а то и вовсе – живых людей копирует. Я вот, тебя тоже поначалу принял за одного из её чертил. С ними разговор короткий – серебряная пуля, шкворчат, как сало на сковородке, и рассыпаются. Креста боятся, опять же. С копиями проще – они не хулиганят, как черти, а сразу убегают. И, что характерно, наследуют от оригинала только что – то одно, например – одну фразу, и начинают её повторять, как заевшая пластинка. Либо – только одно действие выполняют, например – гадят в интернете, и больше ни на что не пригодны. Ещё у них ноги почему – то прозрачные получаются. В общем, толку от этой «Спидолы - Ведьмы» никакого. Пробовал я и «Летучего Голландца», ну – который «Вальдорп Инсулинд», так от него и вовсе, только солёные лужи на дворе. Правда, один раз в луже осьминог оказался, но и тот через полчаса сдох. Многих трудов мне стоило выяснить, как «Ригонды» использовать, как подключать, как синхронизировать с Золотым Кастом и, как оказалось, самое

главное, самое главное – «Ригонда» должна быть точно настроена на 4625 кГц, на ту самую «жужжалку»!

- погоди, Владимир Ильич, я совсем ничего не понимаю, при чём тут «жужжалка»? – в полном недоумении спросил Гурьянов, - она же наша, военная, советская ещё! А тут какая – то фрицевская Аня на нерве!

- Так вот, знать бы! – ответил Шапкин, - только есть у меня догадка, что эти гансы – швабы тут совсем не при чём. Дело в частоте и периодичности сигнала, похоже – так всё совпало, что жужжалкин сигнал – триггер для запуска процесса генерации. И вот, как я всё это уяснил, начал потихоньку, осторожно, не торопясь, осваивать Золотой Каст. Считаю, тридцать лет осваивал, множество всяких экспериментов проделал и, хоть и не узнал ещё всех его возможностей, но много, много интересного и полезного увидел, да и добыл кое – что. Помнишь, у меня ящик радиоламп AD1 появился?

- Ну да, все ещё говорили, что это новодел, потому что коробочки новые, и краской пахнут.

- Вот – вот! А это я в 1935 – й год, в Берлин попал, на склад фирмы LORENZ, ну, и забрал ящик в счёт будущих репараций. Окошко в реальности и времени проделал, и – готово! Потом сколько не пробовал – больше на этот склад не смог попасть.

Я тебе больше скажу – я с Вечным Жидом встретился, случайно, и долго с ним разговаривал. Он мне про Остапа Бендера поведал, я тебе потом перескажу. И – ничего, никаких тебе «эффектов бабочки». Вот какой у меня Золотой Каст!

- А при чём тут бабочка? – не понял Гурьянов.

- Ну, это сложно всё объяснить. Это проблемы после нарушения структуры континуума пространство - время. Так, ерунда!

- Всё это хорошо, только почему я домой – то попасть не могу?! Я же вечером ужинать должен, утром завтракать, днём чай пить! С вареньем! И спать ночью! А я вместо этого бегаю со скоростью звука, и с дурнями воюю!! – выплеснул накопившееся тягостное недоумение Гурьянов.

- А вот, слушай дальше! Полгода назад связались со мной инопланетяне.

Глава 9.

- Чего?! Какие инопланетяне? Откуда?

- Какие – не знаю. Может быть, что и зелёные. А живут на Омикрон Центавра. У них там Межпланетное Союзное Государство, МСГ. Так, мол, и так, сдЫгррапррустрр Шапкин, мы высокоразвитая техническая цивилизация, достигли высочайшего технического и социального развития, нет для нас невозможного, а счастья никак достичь не можем.

- А вот это вот тыррпырр, это что такое? – спросил Гурьянов.

- СдЫгррапррустрр – это у них наипочтеннейшее обращение к самым уважаемым членам общества. СдЫгррапррустрр Шапкин! Звучит!

- И вот, сообщили, что нет у них счастья, - продолжал Шапкин, - и ради его обретения они готовы на очень многое. И ещё, сообщили, что их Большой Малдеб, то бишь – их Парламент, обсуждал эту проблему без выходных и отпусков полтора земных года, и пришёл к выводу, что для достижения счастья им нужна новая, совершенная Конституция. И, так как Вы, сдыгррапррустрр Шапкин, известны во всех окрестных Галактиках, как автор самых лучших Конституций, очень просим Вас написать для нас новую Конституцию. Готовы, мол, принять без обсуждения и поправок всё, что Вы напишите, и вознаградить Ваш тяжкий труд так, как Вы найдёте необходимым.

- Погоди, Владимир Ильич, а как они с тобой связались? – заинтересовался Гурьянов.

- Как технически – не знаю. Они же высокоразвитая цивилизация, видимо – с помощью устройств передачи мыслей на расстояние. Чувствую только, как в голове что – то щёлк, - и готово, вся информация у меня в памяти.

- Засел я за работу, - продолжал Шапкин, - даже вестник НМР забросил. Сотворил им самую лучшую Конституцию, какую только смог. Оцифровал её, и стал думать, как Конституцию на Омикрон передать. Дело непростое, передать столько информации на огромное расстояние. Решение появилось само собой – Золотой Каст с пространством и временем играючи справляется, вот он и создаст туннель в подпространстве, чтобы Конституцию передать. Мощности трансляторов только побольше надо. Притащил я десяток «Ригонд», привёл их в порядок, подключил в параллель. Антенну – излучатель рассчитал, за основу взял рупорные СВЧ антенны, тоже десяток, расположил их так, чтобы они своим излучением вихревой канал образовывали, и на Антонкинскую башню установил. С волноводами долго возился, но осилил и их. Настроил Золотой Каст, опробовал всё на четверти мощности. Работает! Буквально тут же в голове щёлк – пришёл ответ, что готовы к приёму. Ну, что, думаю, - пора!

Соорудил специальный фидер, для подачи цифрового сигнала с ноутбука в волноводы и, благословясь, вчера всё включил на полную мощность. В голове щёлк – сообщают с Омикрона, что передача пошла. Ну, думаю, очень хорошо, до окончания трансляции есть у меня изрядно времени, можно отдохнуть от трудов. Не успел я порадоваться, как началось непонятное. Вышел во двор, а обратно зайти не могу. Ни в дом, ни в ангар. Ну, в точности как и ты – иду, иду, а дойти до дверей не могу. Сначала перепугался, потом, как в этот сарайчик попал, в котором у меня пыльные музейные тряпки хранятся – успокоился, и начал ситуацию анализировать. И, в конце концов, дедушка Шапкин понял, где тут собака порылась! Всё дело опять же в «Ригондах»! Они, во время трансляции на Омикрон, в тандеме с Золотым Кастом искривляют пространство, а заодно и время, и там, где «Ригонд» много, даже неработающих, время на одну пикосекунду как бы

соскальзывает назад, относительно окружающего пространства. Вот у тебя – сколько «Ригонд»?

- Надо на даче поискать. Думаю, штук пятьдесят должно быть, - ответил Гурьянов, - и дома штук десять.

- Ну, вот. И у меня десятка два есть. Вот и не можем мы преодолеть эту пикосекунду. И никто не может.

- Так они чего, между собой общаются? – изумился Гурьянов.

- Насчёт общения – вряд ли, но какая – то связь между «Ригондами» есть, это несомненно. А вот лилово – голубой туман создаётся Золотым Кастом, это имманентный побочный продукт его функционирования, да.

- А то, что я бегаю со скоростью звука – это тоже «Ригонды»?

- Конечно. Ты их сколько отремонтировал? – ответил Шапкин.

- Много. За пятьдесят лет... Очень много.

- Ну, вот. Это значит, ты долго подвергался их эманации, и ты теперь и сам – немножко «Ригонда». И я, пожалуй, тоже.

«Ой, мама. Этого ещё не хватало!» - подумал Гурьянов.

- Да, именно так! – продолжал Шапкин, - и, благодаря тому же искривлению пространства и времени, когда ты начинаешь бежать, твоё смещение в пространстве инициирует твоё смещение во времени, и ты соскальзываешь вперёд на одну наносекунду. Всё просто!

- Ну ладно, наносекунда так наносекунда, а почему меня живым похоронили? – не унимался Гурьянов.

- Так я же говорил, что Золотой Каст может сон сделать реальностью. Ты же во сне увидел, что тебя хоронят, вот и пожалуйста – получил реальность, как побочный эффект от тандема Золотого Каста с «Ригондами». Я тебе больше скажу – мы с тобой оба попали в альтернативную реальность, наложенную на реальность, для нас основную.

- Реальность – нереальность, потом опять реальность! Ты мне лучше скажи, смогу ли я домой попасть? И что с нашим Музеем теперь будет, с НМР? К фондам как теперь попасть?

- Обязательно попадёшь, - отвечал Шапкин, - вот, как закончится трансляция на Омикрон, так и домой попадём, и к музейным фондам. А с Музеем всё хорошо будет. Не побоюсь этого слова – очень хорошо будет! Я тебе ещё самого главного не сказал – я в этой новой Конституции записал, что я, сдыгррапррустрр Шапкин, теперь являюсь постоянным и бессменным Президентом их Межпланетного Союзного Государства, с неограниченными исполнительными правами. А ещё в новой Конституции записано, что немедленно учреждается Межпланетный Межнациональный Музей (Радио) – МММ(Р), и МММ(Р) с момента своего учреждения является Главным Законодательным органом Межпланетного Союзного Государства, и ты, сдыгррапррустрр Гурьянов, его постоянный и бессменный Директор!

- Ой, мама... Яодписьдавал... - только и смог выдавить окончательно растерявшийся Гурьянов.

Впрочем, гурьяновская растерянность длилась совсем недолго – любое директорствование, в его представлении, было неразрывно связано с целым рядом непереносимых атрибутов, о наличии которых Гурьянов решил незамедлительно осведомиться:

- А персональная машина будет?

- Машина? Мелко берёшь, Дмитрий Николаевич! – ответил Шапкин, - у тебя персональный звездолёт на фотонной тяге будет, и не один!

- А зарплата какая будет? – продолжал Гурьянов.

- Не будет никакой зарплаты! Не нужна она тебе. Ты, вместе со всеми родственниками, будешь на полном и неограниченном содержании Межпланетного Союзного Государства.

- А на карманные расходы? – упорствовал Гурьянов.

- И карманные расходы – за счёт МСГ! Без всякого отчёта! – вещал Шапкин.

- А радио там, на Омикроне, точно есть? – осведомился Гурьянов.

- Точно было, - ответил Шапкин, - Вселенная развивается по единым законам, значит, радио точно было. А раз было радио, значит, необходим наш Музей Радио – МММ(Р). Это аксиома, да.

- А служебный кабинет? Будет? – продолжал Гурьянов.

- У тебя личные офисные здания будут! Высотные! В крупнейших городах всей Галактики, на центральных площадях!

- Ну, хорошо, тогда я согласен. Только чтобы днём чай с крыжовниковым вареньем! – поспешил уточнить Гурьянов.

- Ну, наконец – то! А то я уже думал, мне все должности совмещать придётся!

– А что, так много должностей? – любопытствовал Гурьянов.

- А как же! – ответил Шапкин, - директор НМР, Президент МСГ, и Председатель Галактики. Совсем немало! Забот у нас, и работы ого – го сколько! Нам теперь всей нашей Галактикой управлять, а там, глядишь, и соседние подтянутся! Нам теперь систему управления выстраивать, вертикаль власти, понимаешь! Теперь вся жизнь в Галактике через нашу Музейную Власть пойдёт, все консультации, разрешения, законы, документы, уложения, финансирование, всё – всё только через нас, и всё платно! Не меньше двухсот долларов за консультацию! Да, о чём я, какие доллары! Мы свою всегалактическую валюту учредим – шапгур! Все расчёты в Галактике только в шапгурах, все остальные валюты отменим! – произнося эти слова, Шапкин увеличивался в размерах, ширился, его глаза начали словно светиться изнутри, казалось – сейчас он вырастет настолько, что вознесёт на плечах своих сарайчик, стряхнёт его, как пыль, и шагнёт дальше, в пределы Галактики и Млечного Пути.

- А как это сделать? Кто нам разрешит? – засомневался Гурьянов.

- А кто нам запретит?! – загремел Шапкин, - хотел бы я посмотреть на такого чиновника, который придёт проверять, правильно ли я реставрирую приёмники, тьфу, то есть – посмеет нам что – либо запретить?! У нас Золотой Каст, мы всемогущи! Мы можем любую реальность прекратить, и создать свою! Ход истории изменим!! Всех уконтропупим!! Всей историей Радио управлять можем! Мы теперь главные во Вселенной, и МММ(Р) – главное учреждение!

- А что с НМР будет? Здесь, на Земле? – упорствовал Гурьянов.

- Как что? НМР переезжает в Кремль! – возгласил Шапкин.

- Но... там же Президент! – изумился Гурьянов.

- А он нам не мешает. А если мешает – мы его подвинем!! – безапелляционно заявил Шапкин.

Вдруг, мягкий, беззвучный, но огромной силы удар приподнял сарайчик, в котором находились Председатель Галактики и Директор МММ(Р), колыхнул его, как обувную коробку, из стороны в сторону, наклонил, и бросил на место. На Шапкина, стоявшего почти посередине сарайчика, внезапно повалились пыльные музейные тряпки, которыми сарайчик был забит под самую крышу, завалили его полностью, и погребли Председателя под собой, подняв непроглядное облако многолетней музейной пыли. Гурьянов же, сидевший близко к двери, валом падающих тряпок был отброшен за пределы сарайчика, и сбит с ног. Ничего не понимая, он с трудом поднялся, и снова был сбит с ног повторившимся мягким, страшным по силе ударом. Удары начали следовать один за другим, земля приподнималась, качалась, и падала назад. Гурьянов был потрясён открывшимся ему видом: наступившее утро превратилось в ночь, по чёрному небу горохом катались звёзды, края видимого горизонта то приподнимались, то опадали; забор, сарайчик, дом и Антонкинская башня расплывались, смещались, вытягивались вдоль образующейся воронки, центром которой явно намечался ангар, с находящимся внутри Золотым Кастом.

«Это катастрофа!» - понял Гурьянов, - «надо выключить Золотой Каст, иначе мы все пропали! Как к нему попасть, как?!»

С трудом поднявшись на четвереньки, Гурьянов двинулся было к воротам ангара, но неведомая сила не пускала его, давила на плечи, на ноги, на всё тело, как сильный ветер, оттесняя от ангара. Вспомнив про допинг, Гурьянов завыл: «Меня в школах изучают! Меня в школах изучают! Меня в школах изучают! Меня в школах изучают!» Помогло и на этот раз – медленно, с огромным трудом, напрягая все силы, Гурьянов начал продвигаться к ангару. Наконец, добравшись до ворот, он опёрся о них руками, поднялся на ноги и, собрав все силы, потянул на себя калитку. Та, медленно, сопротивляясь, открылась, Гурьянов, отчаянно напрягшись, с завыванием об изучении в школах, головой вперёд двинулся внутрь, и в этот миг раздался низкий,

мощный звук: «Ппуфффф!!!», как будто мягко лопнул какой – то огромный пузырь, неведомая сопротивляющаяся сила вдруг исчезла, и Гурьянов кубарем вкатился в ангар. Без труда поднявшись на ноги – удары прекратились, земля перестала колебаться, он прошёл вперёд, и увидел мощный стол, на котором возвышалась куча серого порошка, тяжело пахнувшего индийскими благовониями. «Ригонды», аккуратно выстроенные вокруг стола, лишь слегка присыпанные тем же серым порошком, как ни в чём не бывало, продолжали гудеть «жужжалкой» в рупоры своих волноводов, соединявшихся под потолком в одну мощную трубу. Гурьянов, ещё слегка оглушённый, зачем – то решил выключить все «Ригонды», пошёл вокруг стола, нажимая кнопки сетевых выключателей и, когда он выключил последнюю радиолу, послышались запинаящиеся шаги. Появился Шапкин, с трудом передвигавший неверные ноги, весь запорошённый музейной пылью, с помертвевшим лицом. Подойдя к столу, Шапкин, глядя невидящими глазами куда – то вдаль, принялся пересыпать руками навязчиво благоухающий порошок, тихо повторяя: «Он... ушёл... он... ушёл... ушёл...» Через какое – то время Шапкин отошёл от стола, сел на стул, уткнулся лицом в ладони, и замер. Не зная, что сказать, как утешить своего многолетнего компаньона, Гурьянов молча сел напротив. Так они сидели долго, не говоря ни слова. Наконец, природное шапкинское жизнелюбие взяло верх, он оторвал руки от лица, глянув уже вполне осмысленно. «Ну, что, Дмитрий Николаевич, Председателем Галактики стать не удалось. Я тут не так давно зарегистрировал Управляющую Компанию, придётся ею заняться вплотную» - вполне бодро сказал Шапкин.

Глава 10.

Домой Гурьянов вернулся уже поздно вечером – пока приводили в порядок ангар и сарайчик, пока хоронили серый порошок, оставшийся от Золотого Каста, пока Гурьянов отмывался, переодевался, ехал из Алабино на электричке, переезжал на метро от Киевской до Комсомольской, пока ехал до Мытищ, прошло немало времени. Открыв калитку и входную дверь ключами, неожиданно нашедшимися в кармане, Гурьянов прошёл в свой кабинет. Спать совсем не хотелось. «Нужно всё записать. Для будущих поколений, для правнуков» - решил Гурьянов. Сел за стол, включил компьютер, подвинул к себе клавиатуру. Неожиданно, экран заморгал, и на нём появилась издевательская лилово – голубая надпись:

#ГУРЬЯНОВПЦУЙ.

«Ах ты ж, дурень!» - ругнулся Гурьянов, выключив компьютер.

Поразмыслив немного, он достал из нижнего ящика стола толстую общую тетрадь, последнюю, оставшуюся из закупленных в 1958 – м году. Раскрыл её, взял ручку, задумался на секунду, и начал писать:

«Эманация «Ригонды».

«В ночь с воскресенья на понедельник я спал плохо. Снилось мне непонятно что, тревожное и неприятное, какие – то ящики с переключателями, какие – то эстафеты на стадионах, в которых я обязан был принимать участие, почему - то башенный кран, по которому вниз головой лазал директор...» За окном, невдалеке, вдруг завывала сирена скорой помощи, а дверь кабинета отворилась, и вошла жена. «Дима, второй час ночи! Ты почему не спишь?» - спросила она.

Мгновенно всё вспомнив, Гурьянов, мимо удивлённой жены, кинулся к окну, распахнул его...

За окном никого не было.

Приложение.

Рассказ Вечного Жида об Остапе Бендере, так и не пересказанный Шапкиным.

«Ай, молодой человек, я таки уже очень – очень старый еврей, и желаю всем только добра, но я таки совсем не хочу, чтобы про меня рассказывали какие – то бдуют истории. Чтоб ви знали, я вам уже расскажу, как всё было на самом деле. Этот молодой человек Остап был таки фармазонщик, и он всегда был фармазонщик, и жил, как фармазонщик, и умер, как фармазонщик. Я таки дважды встречался с этим молодым человеком Остапом, один раз в Киеве, а второй раз в Малороссии.

Первый раз, когда я проходил Киев, этот молодой человек Остап, со свойственной всем фармазонщикам настойчивостью, предлагал мне купить у него вечные штиблеты, убеждая меня в том, что они мне совершенно необходимы. Когда я объяснил ему, что ничего покупать у него не буду, а вечных штиблет я сам могу емушить, ведь я таки сандалэр, он очень обиделся, и таки наврал этим ужасным украинским бандитам, что я какой – то болдошевик. Я так и не знаю, кто такие эти болдошевики, но эти ужасные украинские бандиты в жупанах ужасно обрадовались. И в рассказе этого молодого человека Остапа правда только в том, что меня таки порубали саблюдами.

Это очень страшно, когда тебя убивают. И я уже увидел Б – га, но Б – г сказал мне: «Твой путь ещё не закончен, **иди**». И я опять пошёл.

А второй, и последний раз, я видел этого молодого человека Остапа в Лемберге, лет так семьдесят семь, или семьдесят восемь назад. Впрочем, город тогда мог называться как – то иначе, уже не помню. Там таки как раз поменялась власть, и как всегда бывает при смене власти, всякие зэвэль шель бен адам примазались к новой власти, и стали пакид гадолей, и стали мучить, грабить и убивать людей.

Я как раз проходил Лемберг, и меня почему – то арестовали как какого – то оуна. Я так и не знаю, кто такие эти оуны, но эти ужасные украинские чукисты очень обрадовались. Меня таки посадили в огромную камеру в подвале Бригидок, и там я таки ещё раз увидел этого молодого человека Остапа. Он был очень плох, его без конца били эти ужасные украинские чукисты, ещё вчера бывшие просто хара, и вдруг ставшие большими начальниками. Они таки требовали, чтобы Остап сказал им, где спрятаны брульянты и эвен това тёщи какого – то Квисы Синицера. Впрочем, может быть, не Синицера, а Снегира, уже не помню. Один из этих ужасных украинских чукистов прямо в камере, пиная Остапа, вслух мечтал, яку харну хату он соби побудоваеьт на эти брульянты. Как они его били, как били, просто ужас! И напрасно Остап кричал, что он всего лишь домоуправляющий, и не видел никаких брульянтов – они его таки убили.

Этот молодой человек Остап не знал, что за всё приходится расплачиваться, чаще всего – при жизни, и иногда – самой жизнью.

Вот таки всё, что я имел вам сказать об Остапе.

Уйдисловие.

Вот и закончен рОман. «Эманация «Ригонды» - вещь вполне компилятивная, внимательный читатель без труда найдёт реминисценции, заимствования и даже прямые цитаты из произведений писателей. Я намеренно не пишу «из произведений других писателей», так как сам я ни в какой мере писателем не являюсь. Я обычный инженер, и «Эманацию» написал для своего собственного развлечения. Если рОман развлечёт ещё кого – то, я буду только рад.

Хочу также отметить, что без Антона Александровича Горского, без его форума «Ламповые Души», который многие и многие называли «помойкой и сортиром», но при этом неотрывно там сидели, сама идея «Эманации «Ригонды» не смогла бы возникнуть.

